

АРХАНГЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ СТАРИННЫХ СЕВЕРНЫХ РУССКИХ**ПРОМЫСЛОВ***Н.В. ВЕХОВ*

Северный край - это издревле русская земля - не может не быть дорог всякому русскому. Он связан с остальной Россией самыми знаменательными страницами истории ее развития и представляет свидетельство поразительной мощи русского народа.

С.Ю. Витте.

95 лет назад в истории Архангельска произошло знаменательное событие. 28 января 1906 г. в двухэтажном деревянном здании на углу Вологодской улицы и Троицкого проспекта, вдали от шумного центра, от дома губернатора и других присутственных мест, открылся Рыбопромышленный музей Крайнего Севера¹. Даже для нашего времени, на рубеже XX и XXI веков, это учреждение не имеет аналогов. В Музее были представлены действующие экспонаты, модели и иллюстрации, характеризующие быт и занятия поморского населения Архангельской губернии, этой уникальной исторической общности людей, формировавшейся в течение нескольких столетий и просуществовавшей до конца 1920-х годов. На всем протяжении истории поморов основные типы хозяйственной деятельности, специфика гражданской архитектуры, обряды и обычаи, устное творчество носили заметную архаичность и отчетливые черты консерватизма. Они были настолько адаптированы к условиям Беломорья, что даже на рубеже XIX и XX веков, когда повсеместно началась "индустриальная" эра перестройки народного хозяйства, орудия и приемы рыболовно-промысловой деятельности, составлявшие основу жизни местного населения, мало

подверглись изменениям. А случаи заимствования новых средств производства и хозяйственных приспособлений, обычные в южнее расположенных областях Российской Империи, в Архангельской губернии были единичны, и поморы всегда отличали "чужие" орудия труда от своих, традиционных.

Инициатором создания и первым директором Музея был известный отечественный ученый, специалист по рыбным промыслам Севера и Сибири, ихтиолог Николай Аркадьевич Варпаховский (1862-1909), много сделавший для развития российского рыболовства и речного судоходства. Он был одним из организаторов Всероссийской рыбопромышленной выставки в Санкт-Петербурге в 1889 г., разрабатывал идею создания специальных рыбацких школ на севере России, в течение трех лет редактировал журнал "Известия Архангельского отделения императорского общества судоходства" и являлся автором нескольких региональных обзоров по состоянию рыбных промыслов в России. С 1899 г. Варпаховский был утвержден на должность заведующего рыбными и морскими звериными промыслами Архангельской губернии, которую занимал до своей преждевременной кончины².

После смерти Н.А. Варпаховского директором Музея и его приемником на посту заведующего рыбными и морскими промыслами Архангельской губернии стал Нестор Александрович Смирнов. В период деятельности Музея Смирнов был еще молодым человеком, только начинающим свою научную и творческую карьеру. Впоследствии он стал известным в России ученым, специалистом по морским промысловым животным, знатоком отечественного зверобойного промысла. И архангельский период, в частности работа на посту директора Музея, где он занимался научными изысканиями, в его творческой карьере сыграл решающую роль.

Выделенный городской администрацией для организации Музея дом первоначально не предназначался для этих целей. Это было деревянное, двухэтажное, жилое здание, приобретенное у частных владельцев за неуплату долгов в городскую

казну. На выходящем на Троицкий проспект фасаде издалека была заметна большая зеленая вывеска "Рыбопромышленный Музей Крайнего Севера". К сожалению, здание Музея до наших дней не сохранилось. Сейчас на этом месте высятся безликие пятиэтажные жилые дома. С апреля 1906 г. в газете "Архангельские губернские ведомости", в справочном отделе, регулярно печатались объявления о Музее, согласно которым он был "открыт для бесплатного посещения публикой ежедневно с 11 часов утра до 2 часов дня. Объяснения коллекций по воскресным и праздничным дням".

Здание Музея имело несколько внутренних помещений. Главное его помещение, зал с экспозициями, располагалось на первом этаже, куда можно было попасть непосредственно из вестибюля. Просторный светлый зал, выкрашенный беловатой краской, создавал иллюзию присутствия в некоем подводном царстве. Такой цвет хорошо и контрастно подчеркивал имеющиеся в основном темные тона экспонаты. В центре экспозиционного помещения располагались две четырехугольные колонны, подпирающие его свод. В них же были упрятаны и печи, отопляющие все здание. Внутренняя часть зала имела хорошее освещение дневным светом. По главному, восточному, фасаду здания, выходящему на Троицкий проспект, располагались пять высоких окон; по три окна выходили на северную и южную стороны, и одно - на западную. Обилие света в дневное время облегчало восприятие выставленных экспозиций. Штат Музея был небольшим; всего три человека - заведующий, библиотекарь и сторож.

Музей проводил существенную научную работу. Его заведующий и добровольные помощники ездили по просторам Архангельской губернии, этой северной области, раскинувшейся от границ Норвегии до Урала. Они посещали регионы промысловой деятельности и собирали экспонаты, тем самым, пополняя фонды Музея. Музей имел обширную научную библиотеку, в которой за пять лет его деятельности числилось уже более 1 100 наименований книг и журналов по разным проблемам рыбного и

зверобойного промысла на севере России и за рубежом. Они поступали в основном от авторов и меценатов. Ведь организовать собственную подписку научной и популярной литературы Музей не мог; курирующее его Главное управление Землеустройства и Земледелия выделяло на эти цели смехотворную сумму – всего-то 75 рублей в год, куда, впрочем, входили и канцелярские расходы заведующего. Общий же бюджет Музея с учетом выписки книг, журналов, поддержки работы библиотеки и покрытия канцелярских расходов составлял более 1 700 рублей в год³. И Музей существовал лишь на деньги городского головы и взносы меценатов.

Основные фонды Музея, а это более 1 100 коллекционных экземпляров, были оформлены в виде законченных экспозиций, объединенных несколькими разделами. Разделы отражали основные виды и историю промысловой деятельности поморов, все разнообразие объектов рыболовства, охоты и морской зверодобычи, типы орудий лова, снастей и применяемых для их изготовления материалов.

Общая специфика хозяйства Поморья как промыслового сохранялась вплоть до первой четверти XX века, хотя с конца XIX века на Поморском, Карельском и Кандалакшском берегах с морскими промыслами весьма успешно конкурировала лесная промышленность, даже оттеснившая в некоторых районах их на второй план. Так, например, по данным 1924-1925 гг., из 7714 дворов архангельского Поморья, Зимнего, Летнего, Онежского и части Поморского (от Онеги до Нюхчи) берегов, 4972 двора занимались исключительно рыбными и зверобойными промыслами. "Чистый" доход, получаемый от этих промыслов, составлял 22 % общего дохода от всех внеземледельческих промыслов Архангельской губернии, уступая только лесорубочному, составлявшему 51 % дохода⁴

Уже в XVI веке в поморском хозяйстве всех заселенных к тому времени берегов определилась ведущая роль морских промыслов; доминировавшие сначала речной (кроме ловли семги, которая всегда шла на продажу) и озерный промыслы отошли на

второй план. К XVII веку, когда заселение Поморья полностью завершилось, регион превратился в морскую рыбо-промышленную область северной России, и в этом качестве оно включилось в систему всероссийского внутреннего рынка.

Первый раздел экспозиции был посвящен промысловым поморским судам и судам другого назначения, используемым на Белом и Баренцевом морях. Вдоль южной стены Музея, на стойках и столах располагались модели, а на самой стене висели чертежи, фотографии морских и речных промысловых шхун и лодок. Тут же висели и лежали образцы морских канатов и парусины, идущей на паруса. Они прекрасно сочетались с диаграммами глубин и морскими картами Белого и Баренцева морей. Для знакомства с морскими навигационными приборами на постаменте красовался картушечный компас.

Представленные экспонаты достаточно полно раскрывали географию и специфику поморского судостроения, этой старой и прибыльной отрасли хозяйства населения Архангельской губернии. История становления поморского судостроения имеет многовековой период.

Все поморские берега из поколения в поколение имели своих мастеров и центры судостроения. По статистическим данным второй половины XIX века большие и малые морские суда строились на всех поморских берегах, за исключением Летнего и Онежского. В середине XIX века количество судостроителей на всех поморских берегах оценивалось примерно в 300 человек, из них около 140 на Зимнем берегу, в Патракеевской области (село Мудьюга). На поморском берегу судостроением занимались на всех крупных реках, но главными были Ваческая (села Кушрека, Унежма, Малошуйка, Нименга и Ворзогоры) и Сорокская (в основном села Выгостров, Шуя и Колежма) волости. Славилась своим искусством мастера-карелы из села Подужемье около Кеми. На Карельском и Кандалакшском берегах большое количество судов строилось в Поньгомской, Керетской и Ковдской волостях; на Терском берегу - в деревне Оленица, селах Умба и Варзуга. Стоимость морских судов с оснасткой была

очень высокой, особенно на Поморском берегу, где в 1875 г. шхуна стоила до 10 тыс., лодья - до 4, а клипер - до 2 тыс. рублей⁵

Второй раздел объединил выставленные в демонстрационном зале модели и оригиналы орудий и приспособлений морских и речных рыбных промыслов. В изобилии выставлялись самодельные поплавки и каменные грузила, грузила, обернутые в бересту, железные якоря разных конструкций. На стенах красовались многоцветные гравюры с изображением разных снастей, выполненные в середине-конце XIX века по материалам, собранным известнейшим российским ученым, специалистом по рыбному хозяйству Николаем Яковлевичем Данилевским. Эти экспонаты знакомили посетителей с уникальной техникой поморского рыболовства, аналогов которому нет и не было нигде более в России.

Особое значение повсюду в Поморье имел один из самых старых среди других видов рыбного промысла – семужий, морской и речной заборный лов. Семга не могла конкурировать с сельдью и треской по уровню вылова, но ее высокая продажная стоимость заставляла поморов интенсивно заниматься семужьим промыслом. Лов семги, будучи прибрежным промыслом, возникал одновременно с поселением человека в любом районе Поморья. Семга появлялась в течение весенне-летне-осеннего периода у каждого поморского берега, и являлась главным объектом внимания как промысловых ватаг, так и оседлого населения. Этот вид промыслов являлся главным занятием поморского во всех осваиваемых районах, а в монастырских хозяйствах семга приносила большую часть дохода. В XV-XVII веках наибольшее развитие семужьего промысла наблюдалось в районах самого раннего заселения - в поселениях устья Северной Двины, посадской части Летнего берега, в Варзуге и Умбе на Терском берегу.

В экспозиции Музея, перемежку с чучелами семги, помещены различные приспособления для вылова этой ценнейшей северной рыбы. Особого внимания заслуживали несколько моделей заборов - сооружений из кольев, переплетенных

ветками и сетями, которыми перегораживали реки, с ловушками в отверстиях-тайниках, куда попадает рыба. Самым большим в истории поморского промысла забором был подпорожский, на реке Онеге, в 18 км от ее устья; его длина достигала 760 метров. Кроме них, в коллекции Музея были представлены различные ставные сети, тяглые и крючковые снасти и даже такой редкий экспонат как нёрша – вид мерёжи для лова семги. Ловили семгу и закидными сетями – огромными неводами, достигавшими в длину 500 метров, что нередко равнялось половине реки, и пóплавнями, управлявшимися 4-мя человеками. Такими способами образом уже несколько веков в Карелии, на Кольском полуострове и на востоке Поморья вылавливали идущую на нерест семгу⁶.

Вдоль стен на растяжках выставлены в натуральную величину разные типы мерёж и верш для ловли миног, остроги для лучения рыбы ночью, переметы, донные удочки и блесны.

Кроме семужьего, к наиболее старым видам рыбных промыслов относился тресковый. Если в XVI веке средоточием тресковых промыслов русского населения было западное побережье Кольского полуострова, то к концу XVII века центр добычи переместился на восточное побережье Кольского полуострова ("Восточный Мурман"). В XVII-XVIII веках тресковый мурманский промысел почти целиком переходит сначала в руки двинян и жителей Поморского берега, а в последствии - почти исключительно промышленников Поморского берега, где к XIX веку он стал главной отраслью хозяйства⁷. Широко демонстрировались снасти этого вида деятельности поморского населения - крючки и снасти для ловли (поддев, ярус) и вытаскивания (багры-ляпы и другие) трески и палтуса в лодку и их подъема на палубу промыслового судна, ножи для разделки добычи.

Рядом с экспозициями этой части раздела были развешаны образцы одежды рыбопромысловиков. Большая часть представленных экспонатов - оригиналы;

непромокаемые и полупрозрачные из проолифенной парусины или бязи накидки, комбинезоны и т.п. Простенки между окнами были заняты диаграммами об уровнях добычи рыбы на протяжении последних двух десятилетий на Русском Севере и получаемой от ее реализации прибыли.

В Музее были широко представлены экспонаты двух других традиционных поморских видов промысла - наважьего и сельдяного, возникших позже двух предыдущих. На Кандалакшском берегу сельдяной лов даже заменил мурманский тресковый промысел и уже к концу XVIII века занял ведущее место в экономике этого берега. В конце XIX - начале XX века он стал одним из главных в хозяйстве жителей Кандалакшского, Карельского, Онежского и части Поморского (от Сороки до Нюхчи) берегов, а также в устье Северной Двины, где эта рыба в огромном количестве вылавливалась для продажи.

У стены стояла керёжа - небольшое деревянное приспособление в виде корыта на санях; от нее кожаный поводок шел к чучелу собаки. Эта экспозиция демонстрировала способ зимней транспортировки мороженой наваги непосредственно с моря, от лунок на льдинах, где ее промышляют рыбаки. Навагу на продажу ловили в основном зимой и в мороженом виде отвозили на ярмарки и рыбные рынки, сбывали купцам. Среди экспонатов были и орудия женского подледного лова рыбы крючковой снастью в лунках.

Собранные в традиционных районах рыбодобычи на Белом море разнообразные приспособления и орудия лова демонстрировали специфику распространенного в Поморье сельдяного промысла. Здесь были выставлены и "сельдяной грохот", специальная четырехугольная корзина для выгрузки рыбы, самодельные "топилки-грузилки" для очистки лунок ото льда, и специальные лопаты для выгребания льда из прорубей, где ставили сети. Часть экспозиции были посвящена технологии изготовления тары - бочонков; тут и применяемые инструменты, и исходное сырье. В

центре экспозиции красовалась небольшая модель сельдяной копилки, обширного по площади цеха для копчения рыбы.

К числу древних и своеобразных промыслов на побережье Белого моря относятся такие экзотические для современников, а ранее известные в Поморье, как солеварение и добыча жемчуга. К середине XIX века оба они практически "сошли на нет", сыграв свою роль в историко-экономическом развитии отдельных поморских районов.

В XIV-XV веках поморские волости были в числе тех немногих районов Руси, где добывали соль. С XVI века соль из поморских посадов Летнего берега (Неноксы, Уны и Луды) над названием "поморянка" неизменно фигурирует во многих таможенных грамотах. Потребность Русского государства в соли была столь велика, что с приезжих в Двинскую землю торговых людей брали пошлину солью и белками.

В XVI-XVIII веках вываркой соли из морской воды занимались почти повсеместно - на Зимнем, Онежском, Поморском, Карельском и Терском берегах. Только на Карельском берегу в середине XVI века было 44 "живых" варницы. Центром солеварения была посадская часть Летнего берега; здесь действовало до 100 варниц, принадлежащих крестьянам и монастырям. Даже в конце XIX века выварка соли в Поморье производилась в основном традиционным способом, а устройство варниц почти не совершенствовалось; в результате соль получалась крупная, низкого качества, но теперь она не пользовалась спросом ни на внешнем, ни на внутреннем рынке. Наибольшую роль солеварение играло на Летнем берегу, где значительная часть населения было объединено "Обществом солепромышленников Ненокского посада Архангельской губернии". Ежегодно они вываривали до 60-90 пудов соли. На Поморском и Карельском берегах действовало не более 15 варниц, владельцы вываривали соль для себя или вывозили на Шунгскую ярмарку, где продавали скупщикам из Олонецкой и Вологодской губерний⁸.

В экспозиции Музея в особых банках стендах были выставлены образцы "соли для засола" рыбы. Как значилось на этикетках, они были доставлены "г. П. Лапиным" с Ненокских солеварен.

Особым внимание пользовались экспонаты жемчужного промысла. В XV-XVI веках во многих реках, впадающих в Белое море на Поморском, Карельском и Терском берегах добывался жемчуг. Однако добыча не получила большого размаха, и ей занимались в основном одиночки-старатели. В XIX - начале XX века кустарная добыча жемчуга в Онежском и Кемском уездах находилась в руках карел и пришлых финнов. Только отдельные поморы нерегулярно занимались этим промыслом "наудачу". Просверливанием жемчужин и производством мелких кустарных украшений занимались мастера из местных крестьян; обработка жемчужин на месте строила очень дешево. Во второй половине XIX века ловцы сбывали необработанный жемчуг русским скупщикам, отвозившим его на Шунгскую ярмарку, либо корабейникам из Финляндии. В конце XIX века хорошие жемчужины на рынках продавались от 6 до 15 рублей, серебром; жемчужные серьги стоили от 30 до 100 рублей серебром. Жемчуг был неизменным материалом для отделки поморской народной одежды, головных уборов, из него изготовляли серьги, ожерелья, пуговицы и другие украшения. Особенно богато украшалась жемчугом одежда женского населения Поморского берега, это отразилось даже в названии одной из частей Сумского Посада - Жемчужный ряд⁹.

Для показа были выставлены невода для вылова жемчужниц со дна рек, особое приспособление - волокуша из Кемского уезда, сооруженные на основе детских санок, сачки и крючки, разные типы "щупалец" (прикрепленные на шесты четырехзубые рогатки) для подъема раковин со дна. Особо оригинальной выглядела модель деревянного плота, на котором сборщики речного жемчуга искали раковины. Посредине плота был устроен "подводный глаз" - берестяная труба, через которую наблюдатель отыскивал скопления раковин на дне реки. В Музее имелись как спиртовые экспонаты в

банках самих жемчужниц, так и речной жемчуг. Одна добытая старателем жемчужина, имеющая товарный вид, которую можно было продать, приходилась на несколько сотен, а то и тысяч, выловленных им со дна реки раковин. Поэтому сами жемчужины представляли особую материальную ценность, и их хранили в недоступном для посетителей, специальном помещении Музея.

За несколькими разделами Музея, посвященными рыбодобыче и жемчужному промыслу, шел не менее обширный отдел, знакомящий посетителей с деятельностью морских зверобоев на Белом море и в Арктике.

Бой морского зверя, восходящий к самым ранним этапам заселения Поморья русскими, оформился в промысел в течение XVII века. Исключительное развитие в то время получил моржовый промысел у Шпицбергена и Новой Земли. Среди крупных судовладельцев - организаторов этих промыслов – выделялись архангельские купцы Амосовы, Плотниковы, Оконнишников, Ступачев и др., Холмогорский архиерейский дом, Выгоренское старообрядческое общежительство ("Поморское согласие"). Зверобойные артели набирались из жителей различных волостей Архангельской губернии – из Архангельской, Холмогорской, Онежской, Вельской, Пинежской, Сольвычегодской округ, с Поморского и Зимнего берегов, из Мезени и других местностей региона. Со второй половины XIX века поднялся спрос на продукты беломорского зверя - сало и кожи: центром тюленьего промысла стали селения северо-западной части Зимнего берега, приближенные к местам массового скопления зверя (горло Белого моря, Мезенский и Конушинский заливы) и рынкам сбыта (Архангельск и Мезень). Значительное развитие получил также тюлений промысел на Терском берегу под названием "торосовый"¹⁰.

Экспозиция этого раздела начиналась с оригинала гарпунной пушки, устанавливаемой на судах-китобойцах и применяемой для стрельбы по плавающим в море моржам и китам. Она была доставлена в Музей из города Александровска-на-

Мурмане. На верхней планке оружейного дула блестела табличка с гравировкой фирмы изготовителя - "W.W. Greener"; это известный английский оружейный производитель. Кроме китобойной пушки, тут выставлялись и ножи для разделки китовых туш и моржа, тюленей и нерп. Своеобразными экспонатами служили амуниция зверопромышленников и спасательные средства – спасательные пояса и круги и т.д.

В середине демонстрационного зала живописно располагались набитые чучела промысловых животных (нерпы, тюленей и т.д.), шкафы с мокрыми препаратами, в которых выставлялись различные водные животные северных морей России - морские ежи и звезды, голотурии, медузы, ракообразные, рыбы. Чучела с зоологической точки зрения были выделаны идеально; ведь их авторами являлись ведущие препараторы и опытные таксидермисты из Санкт-Петербурга, из Императорской Академии Наук.

Продолжая знакомиться с внутренними помещениями и деятельностью бывшего Музея, отметим, что на втором этаже, куда прямо из вестибюля вела лестница, размещались несколько комнат: одна из них была занята научной библиотекой, другая - читальным залом, третья - большой фототекой и фото-комнатой. Здесь же, в двух комнатах находились музейные лаборатории с современными микроскопами и другими приборами для работы. В них обычно занимался заведующий Музеем. Он же проводил и экскурсии.

Итак, по сути, этот Музей был единственным в то время полнейшим собранием, своеобразным хранилищем предметов труда, хозяйственной культуры русских поморов, достигшей своего расцвета и совершенства в середине XIX века. Дальнейшая судьба Рыбопромышленного музея Крайнего Севера, видимо, как и многих аналогичных культурно-просветительских учреждений досоветской эпохи оказалась печальна и трагична. На рубеже 1910-х и 1920-х годов Архангельск был в гуще кипевших политических страстей. Здесь размещались и Правительство Северной области, и правительство Н.В. Чайковского, и иностранные войска, и беженцы из центральных

областей России, спасающиеся от большевиков в надежде покинуть страну на пароходах. С 1917 по 1920 годы в городе несколько раз менялась власть, когда разрушились все атрибуты нормальной жизни. В этой неразберихе и круговерти событий никому из власть имущих не было дела до Музея. Он был просто уничтожен, а его фонды разграблены.

¹ Северный календарь-ежегодник на 1920 (високосный) год. Архангельск: издание Архангельского союза кооператоров. 1920. С. 3.

² Варпаховский Н. Краткий обзор Всероссийской рыбопромышленной выставки в Санкт-Петербурге. 12 февраля 1889 г. Издание редакции "Вестника Российского общества покровительства животных". СПб: типография П.П. Сойкина. 1889. С. 1-14.

Варпаховский Н.А. Краткий обзор астраханских рыбных промыслов. Астрахань: издано на средства Ф.И. Базиловского. 1891. С. 1-37.

О рыбацких школах для нашего Севера. Доклад Н.А. Варпаховского. 15 ноября 1896 года. Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству. СПб: типография И. Гольдберга. 1897. С. 1-71.

Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб. 1898. С. 1-143.

Рыбный промысел Архангельской губернии в 1899 году. Отчет Н.А. Варпаховского, заведующего рыбными и морскими промыслами Архангельской губернии. Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. СПб: типография А.С. Суворина. 1902. С. 1-68.

Попов А. Периодическая печать в Архангельске. Архангельск: губернская типография. 1914. С. 12-13.

³ Врядий В.П. Рыбопромышленный музей Крайнего Севера. Архангельск: губернская типография. 1910. С. 3-34.

⁴ Ерофейчев Н. Промыслы Архангельской губернии. Издание журнала "Северное хозяйство". Архангельск: центральная типография ОМХ. 1925. С. 6-7, 33.

⁵ Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии. Архангельск: губернская типография. 1874. С. 187-189.

⁶ Якобсон Р.П. Статистико-экономическое обследование морского побережья и рыболовных угодий на Онежской губе между г. Кемью и Онегой и Онежского закола в 1911 г. // Материалы к познанию рыболовства в России. 1913. СПб. Т. 2, вып. 5. С. 27, 55.

Якобсон Р.П. Отчет по обследованию бассейна Сев. Двины в 1913-14 гг. // Материалы к познанию рыболовства в России. 1915. Пг. Т. 4, вып. 8. С. 31.

⁷ Государственный архив Архангельской области (ГАО), ф. 1, оп. 1, д. 529-Н, лл. 13, 18, 21, 24, 35, 60, 63, 80.

⁸ Путеводитель по северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора). Составлен Д.Н. Островским. СПб: Издание товарищества Архангельско-Мурманского пароходства. 1898. С. 49.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Т. 1. Архангельская губерния. Составлены генерального штаба капитаном Н. Козловым. СПб: Главное управление Генерального Штаба. 1865. С. 185.

⁹ Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М. 1877. Вып. 1. С. 11-12.

¹⁰ ГАО, ф.4, оп. 9, д. 70, 75, 77, 86, лл. 10, 19, 27, 37, 39, 48-55 и др.